Рожнов Артемий Анатольевич

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НЮАНСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СУДЕБНИКЕ 1550 ГОДА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/19.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-65. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

При больничной кассе были свои бухгалтер и секретарь, получавшие по 75 рублей в месяц. Они были приняты по приглашению рабочих. Корреспонденты газеты «Утро Юга» называли больничную кассу рудника Парамонова «образцовой во всем районе» [14, с. 4]. Подтверждением благоустроенности Власовского и других рудников Н. Е. Парамонова могут служить воспоминания В. А. Харламова: «Школы, больницы. Казармы для холостых и домики для семейных, столовые, бани… были образцовыми и бесплатными» [7, с. 276].

Заботясь о благоустройстве и прибыльности своего коммерческого дела Парамонов один из первых учредил на своих предприятиях электрические станции. На Власовском руднике находилась электрическая станция, на которой были установлены три турбогенератора [15, с. 1]. Станция была оборудована котлами, машинами и аппаратурой. Сохранилось письмо Н. Е. Парамонова за 16 октября 1914 г.: «Заказы на электрическую станцию и паровую машину нами уже даны Краматорскому заводу и Всероссийской компании электричества» [16, с. 43].

Правильный расчет, вложение средств в предприятие принесли положительный эффект - высокие доходы от производства и успешное развитие в области угольной промышленности. В 1915 г. шахты Товарищества «Е. Т. Парамонов-Сыновья» относили к I группе с добычей более 5 миллионов тонн антрацита [17, с. 26]. Шахты Парамонова и прикрепленные к ним заводы составили крупнейший рудник не только в районе Александровск-Грушевска, но и во всем Донбассе [18]. Слава о руднике вышла далеко за пределы России. Ростовский исследователь С. Д. Швецов писал о «рекламном шуме» вокруг рудника Парамонова: «Побывавшие на руднике инженеры делали заключение: «горного дела, равного парамоновскому, во всем Донецком бассейне нет, перспективы у него небывалые» [4, с. 158].

Н. Е. Парамонов - это предприниматель «новой формации». Он уже мало схож с представителями купеческого сословия. Молодой предприниматель был уверен: в предприятие необходимо вложить средства, чтобы оно приносило больше доходов. Создание социальной инфраструктуры было обусловлено не только необходимостью нейтрализовать забастовочное движение, но и, в немалой степени, политическим воззрениями Н. Е. Парамонова, принадлежавшего к партии кадетов. В этом отношении его демократические политические взгляды наложили непосредственный отпечаток на предпринимательскую деятельность - забота о менее обеспеченных слоях населения и стремление к новизне и механизации на производстве. Таким образом, Н. Е. Парамонов провел нововведения, которые не только стабилизировали ситуацию на руднике, без чего была немыслима его полноценная работа, но и, вложив немалые средства в рабочих, обустроив их быт и улучшив условия труда, тем самым увеличил доходы своего предприятия, выведя его в число наиболее прибыльных и перспективных.

Список использованной литературы

1. **Винников Ю.** Это было, было, было… // Пласт. 1997. № 1. Август.
2. **ГАРО (Государственный архив Ростовской области)**. Ф. 301. Оп. 23. Д. 68. Л. 3.
3. **Швецов С. Д.** В старом Ростове. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1971.
4. **Баторгин М. П.** Перед судом царского самодержавия. М.: Юридическая литература, 1964.
5. **Будницкий О. В.** История освободительного движения на страницах «РИБ» издательства «Донской Речи» // Известие СКНЦ ВШ. 1986. № 1. Общественные науки.
6. **Центр документации новейшей истории Ростовской области**. Ф. 12. Оп. 3. Д. 25. Л. 1.
7. **Кошеверова С. В., Тарасова М. Н.** Каталог издательства «Донская речь» Н. Е. Парамонова в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д.: Эверест, 2006.
8. **Колодуб Е.** Труд и жизнь горнорабочих Грушевских антрацитных рудников. М.: Тип. И. Полянов, 1905.
9. **ГАРО.** Ф. 46. Оп. 1. Д. 3998. Л. 5.
10. **Шафиров С. Ф.** Парамоновы // Пласт. 2000. 9-15 ноября.
11. **Донская история в вопросах и ответах** / под ред. Е. И. Дулимова, С. А. Кислицына. Ростов н/Д.: ДЮИ, 1997. Т. I.
12. **ГАРО**. Ф. 829. Оп. 2. Д. 167. Л. 40-41.
13. **Рудник Парамонова** // Утро Юга. 1914. 14 сентября.
14. **Александровск-Грушевск** // Там же.
15. **ГАРО**. Ф. Р-2251. Оп. 1. Д. 481. Л. 1.
16. **ГАРО**. Ф. 112. Оп. 1. Д. 34. Л. 43.
17. **Каменноугольная промышленность России в 1915 г.** Харьков, 1916. Вып. I.
18. **Материалы архива музея Артемовского района г. Шахты.**

О НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ НЮАНСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В СУДЕБНИКЕ 1550 ГОДА

Рожнов Артемий Анатольевич
Ульяновский государственный университет

Несмотря на то, что тюремное заключение является одним из древнейших видов наказания, в России оно впервые получило законодательное закрепление лишь в середине XVI в. в Судебнике 1550 г.

Характеризуя правовое регулирование тюремного заключения по Судебнику 1550 г., некоторые ученые обращают внимание на тот факт, что тюремное заключение описывалось в законе трояким образом:

1) «кинути в тюрму» (например, «а обыщется то, што жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнью да кинути в тюрму») (ст. 4, 34, 44, 54-56, 58, 71);

2) «вкинути (вкинут) в тюрму» (например, «а которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати Государю, и того жалобника вкинути в тюрму») (ст. 6-12, 33, 42, 47 и др.);

3) «отсылати в тюрму» («а которые будут у поля опричные люди, и околничему и дьяку от поля их отсылати; а которые прочь не пойдут, и им тех отсылати в тюрму») (ст. 13).

И. В. Упоров предлагает следующее объяснение отсутствию единых юридических формулировок лишения свободы в Царском Судебнике. По его убеждению, языковые расхождения были вызваны первоначальным этапом становления тюремного заключения, тем, что оно впервые было представлено в Судебнике 1550 г. на законодательном уровне. В обоснование своей позиции автор обращает внимание на то, что «в наименованиях иных наказаний подобных различий нет, например, наказание “казнити торговой казнью” по всему Судебнику проходит единообразно, из чего опять же можно предположить, что данное наказание (торговая казнь) было уже относительно устоявшимся, что подтверждается и наличием его в Судебнике 1497 г.» [Упоров, 1998, с. 86].

С высказанным И. В. Упоровым мнением трудно согласиться. Если принять его точку зрения, то вполне логично допустить, что с течением времени, с постепенным укоренением тюремного заключения в законодательстве и судебной практике названные терминологические различия должны были исчезнуть, и наказание в виде лишения свободы, как и торговая казнь, должно было излагаться в законе одинаково. Однако ознакомление с нормативными правовыми актами второй половины XVI в. - XVII в. говорит об обратном. Даже спустя столетие после издания Судебника 1550 г. законодательные определения тюремного заключения продолжали варьироваться. Например, в Уложении 1649 г. помещение преступника в тюрьму выражалось фразами:

1) «вкинути в тюрьму» (I, 5, 9; III, 7, 9; VII, 16; X, 135, 139 и др.);

2) «посадити в тюрьму» (I, 7; III, 1, 2, 5; X, 8, 9 и др.);

3) «сажати в тюрьму» (X, 92, 251; XXI, 44, 71; XXII, 20; XXV, 2, 3, 6);

4) «послати в тюрьму» (X, 187).

Аналогичная картина наблюдалась и в дальнейшем. По указам второй половины XVII в., правонарушителя, приговоренного к тюремному заключению, надлежало:

1) «послать в тюрьму» [Указ от 30 марта 1651 г.; Указ от 7 декабря 1684 г.];

2) «сажать в тюрьму» [Указ от 30 июня 1654 г.; Грамота от 31 мая 1661 г.];

3) «посадить в тюрьму» [Указ от 31 марта 1663 г.; Указ от 26 сентября 1663 г.];

4) «отсылать в тюрьму» [Наказ от 17 апреля 1667 г.];

5) «метати в тюрму» [Наказ 1670 г.];

6) «вметывать в тюрьму» [Указ от 4 сентября 1650 г.].

В. А. Рогов видит иное решение анализируемой проблемы. Он полагает, что принятое в Судебнике 1550 г. словосочетание «кинуть в тюрьму» подчеркивало позорящее значение тюремного заключения как наказания, отражало стремление законодателя «унизить виновного, бросить его в тюрьму как собаку, лишив жизненных благ». Применяемая в Судебнике 1550 г. формулировка, по мысли исследователя, «свидетельствует о крайне презрительном отношении государственной морали и правосознания к заключенным этого типа». Ученый также замечает, что «единственная статья Судебника, где тюрьма выступала как средство административной изоляции, включает иную терминологию. Посторонних зевак, упорно не желавших покинуть место судебного поединка (ст. 13), предписывалось “отсылать в тюрьму”, чем подчеркивался и временный характер пребывания в ней» [Рогов, 1995, с. 239].

Критически оценивая приведенные доводы, необходимо отметить два обстоятельства.

Во-первых, вызывает возражения трактовка В. А. Роговым санкции нормы, закрепленной ст. 13 Судебника 1550 г. С одной стороны, непонятно, почему автор наделяет тюремное заключение, предусмотренное ею, неким особым статусом по сравнению с лишением свободы, зафиксированным в других статьях Судебника, определяя его как «средство административной изоляции», а не наказания. Текст закона не дает оснований для подобного вывода. С другой стороны, утверждение В. А. Рогова о том, что словосочетание «отсылать в тюрьму» указывало на временный характер нахождения в ней, можно толковать таким образом, что выражение «кинуть в тюрьму» имело противоположный смысл и означало пожизненное лишение свободы. Но это не так, что признает и сам автор, считающий ключевым принципом тюремного заключения по Судебнику 1550 г. именно его временность [Рогов, 1995, с. 240].

Во-вторых, небесспорна и сама гипотеза о якобы позорной сути тюремного заключения, базирующаяся на законодательном повелении «кинуть» преступника в тюрьму. Если в Судебнике 1550 г., равно как и в Судебнике 1589 г. (в ст. 6, 8, 11 и других статьях Пространной редакции), помещение правонарушителя в тюрьму действительно излагалось только так, а не иначе (исключение составляла лишь ст. 13 Судебника 1550 г.), то в более поздних памятниках права, как констатировалось выше, соответствующая терминология стала богаче. При этом принципиально важно то, что в отличие от исконной фразы «кинуть в тюрьму» новые формулировки «посадить в тюрьму», «сажать в тюрьму» и «послать в тюрьму» не несли в себе никакого

бесчестящего оттенка. Чем же были вызваны произошедшие впоследствии перемены? Были ли они связаны с изменением самого восприятия тюремного заключения, с тем, что оно в конечном счете перестало расцениваться как постыдное наказание? Если ответить на этот вопрос утвердительно, то как тогда объяснить сохранение и к тому же весьма частое использование в законе выражения «кинуть в тюрьму»? Если же отношение к лишению свободы, напротив, осталось прежним, то, естественно, возникает другой вопрос: почему же данное наказание описывалось законодателем не только традиционным способом, но и с помощью нейтральных фраз? Очевидно, что ни один, ни другой варианты ответа на поставленный вопрос не проясняют ситуацию. Может быть, причина терминологических различий заключается в том, что законодатель рассматривал некоторые преступления как особо тяжкие или аморальные и поэтому назначал их субъектам лишение свободы в более унизительной форме? По всей видимости, нет, так как никакой зависимости между преступлением и характером тюремного заключения не просматривается. Например, согласно Уложению 1649 г., виновного в побоях или татьбе в одних случаях следовало «вкинути в тюрьму» (III, 9; XXII, 11, 12), а в других - «посадити в тюрьму» (III, 2; XXI, 9, 10).

Все упомянутые недостатки аргументации И. В. Упорова и В. А. Рогова, а также примкнувшего к ним А. И. Сидоркина [Сидоркин, 2005, с. 263-264, 286-287], думается, обусловлены ошибочностью их исходной посылки, а именно попыткой найти некий подтекст там, где его, скорее всего, не было. На наш взгляд, не стоит ни придавать решающего значения отсутствию в Судебнике 1550 г. единой формулировки тюремного заключения, ни преувеличивать смысловую нагрузку словосочетания «кинуть в тюрьму». Излагая правовые нормы и, в частности, устанавливая наказание в виде лишения свободы, законодатель середины XVI-XVII в. вряд ли руководствовался такими правилами современной юридической техники, как единство терминологии, ее общепризнанность, стабильность и т. д. Он просто применял те языковые средства, в том числе просторечные, которые находил нужными, привычными или удобными, понимая, что они будут восприняты адекватно. Так, предписывая отрешать подьячего или недельщика от должности словами «выкинути ис подьячих» и «из недель выкинути» (ст. 28, 32 Судебника 1550 г.), разработчики Судебника, разумеется, не требовали, чтобы наказание исполнялось буквально. Аналогичным образом, например, употребление в Судебнике 1550 г. терминов «челомбитье» и «бити челом» (ст. 7, 8, 24, 70 и др.), конечно же, не означало, что подача жалобы должна была непременно сопровождаться ударами челобитчика лбом о землю, и, следовательно, не свидетельствовало о желании законодателя показать унизительность процедуры обжалования. Вышесказанное, по нашему мнению, в полной мере относится и к тюремному заключению.

Список использованной литературы

1. **Наказ Московским объезжим от 17 апреля 1667 г.** // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1. № 407.
2. **Наказ Якутскому воеводе 1670 г.** // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т. 4. № 209.
3. **О высылке из городов Дворян, Боярских детей и недорослей на службу, и о штрафовании укрывающихся от оной**: грамота от 31 мая 1661 г. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1. № 297.
4. **О наказании за непринятие пожалованнаго чина**: указ от 30 марта 1651 г. // Там же. № 61.
5. **О наказании за непристойныя речи, во дворце произнесенныя**: указ от 7 декабря 1684 г. // Там же. Т. 2. № 1097.
6. **О пене за корчемство питьями**: Указ от 30 июня 1654 г. // Там же. № 130.
7. **О посажении в тюрьму на неделю Губнаго Старосту Некрасова, за прописку титула Государя и о наказании батогами Губнаго Дьяка Коробова, который ту отписку читал перед Разбойным приказом**: указ от 26 сентября 1663 г. // Там же. № 351.
8. **О стольниках, стряпчих, дворянах московских, иноземцах и жильцах-нетчиках**: указ от 4 сентября 1650 г. // Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук. СПб., 1894. Т. 2. № 443.
9. **О сыске беглых людей и крестьян, и об отдаче их прежним помещикам**: Указ от 31 марта 1663 г. // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1. № 333.
10. **Рогов В. А.** История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. М.: Юристъ, 1995. 288 с.
11. **Сидоркин А. И.** Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: дисс. … докт. юрид. наук. Казань, 2005. 451 с.
12. **Упоров И. В.** Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. 1998. № 9.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Романчук Иван Сергеевич
Тюменский государственный университет

Как писал великий классик, теория государственной власти является одной из самых темных и запутанных теорий общего учения о государстве. Вплетенные в нее политические элементы, перепутанные с недостаточно осознанными теоретическими предпосылками, совершенно затемняют необходимые родовые особенности, составляющие внутреннее существо властных отношений.